

УДК 351.746.1(571.54)

Органы государственной безопасности Бурят-Монгольской АССР. Первые годы советской власти (1923–1928 гг.). Часть 1

Л. В. Курас, В. К. Тушемилов

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ*

В статье рассмотрены основные направления деятельности регионального ОГПУ в первое десятилетие советской власти.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская АССР, ОГПУ, эмиграция, буддийские священнослужители, бандитизм.

После завершения Гражданской войны, перехода Советского государства к мирному строительству и принятия новой экономической политики произошло существенное оживление в промышленности и сельском хозяйстве, что в сочетании с разгромом основных контрреволюционных сил способствовало возникновению процессов расслоения в рядах противников советской власти.

В августе 1922 г. проходила работа XII Всероссийской конференции РКП(б), которая в части, касающейся направлений репрессивной политики государства, констатировала: «Нельзя отказаться и от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции, которая в своих контрреволюционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций и для которых подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации и т. д. являются только пустым словом, политическим прикрытием.

Репрессии, которые неизбежно достигают цели, будучи направленными против поднимающегося класса (как, например, в свое время репрессии эсеров и меньшевиков против нас), диктуются революционной целесообразностью, когда дело идет о подавлении тех отживающих групп, которые пытаются захватить старые, отвоєванные у них пролетариатом позиции» [8, с. 587–592].

Таким образом, НЭП должен был привести к изменениям карательной политики государства, а, следовательно, вызвать соответствующие изменения в структуре, формах и методах работы спецслужб. 6 февраля 1922 г. Декретом ВЦИК ВЧК и ее местные органы упразднились. Задачи, которые ранее выполняла спецслужба – подавление открытых контрреволюционных выступлений и бандитизма, борьба со шпионажем, охрана путей сообщения и границ, борьба с контрабандой и выполнение специальных поручений Прези-

диума ВЦИК и СНК – возлагались на Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), для чего в его составе создавалось Государственное политическое управление (ГПУ) под председательством наркома внутренних дел. На местах вместо чрезвычайных комиссий создавались политические отделы: в автономных республиках и областях – при ЦИК, в губерниях – при губисполкомах, а также их уполномоченные – в уездах. В составе ГПУ учреждались особые и транспортные отделы для борьбы с преступлениями в армии и на железной дороге. Все дела о преступлениях, направленных против советского строя или представляющих нарушения законов РСФСР, подлежали разрешению исключительно в судебном порядке революционными трибуналами или народными судами.

После образования СССР ГПУ было упразднено. 15 ноября 1923 г. СНК принял положение, которое регулировало работу органов государственной безопасности. Было создано единое для всего Советского государства самостоятельное ведомство охраны государственной безопасности – Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете Народных Комиссаров СССР. В свою очередь оно должно было руководить работой ГПУ союзных республик, особых отделов военных округов, органов ГПУ на железнодорожных и водных путях сообщений и их местных органов. Основными направлениями деятельности ОГПУ стали борьба с подрывной деятельностью иностранных разведок и подрывных центров, оперативная деятельность по выявлению, изучению и разложению организационных структур оппозиционных партий, борьба с бандитизмом и с экономическими преступлениями. Однако уже в период реформирования спецслужб начался процесс расширения их полномочий. В августе 1922 г. спецслужбы были наделены внесудебными полномочиями (правом административной высылки лиц, причастных к контрреволюционным преступлениям), в сентябре 1922 г. чекисты были привлечены к борьбе со взяточничеством, а в 1924 г. – с фальшивомонетничеством. 28 марта 1924 г. ВЦИК СССР образовал при ОГПУ Особое совещание и утвердил Положение о правах ОГПУ в части административных высылки, ссылки и заключений в концлагерь людей, обвиненных в контрреволюционной деятельности, шпионаже, контрабанде, спекуляции золотом и валютой. 4 апреля 1927 г. ВЦИК СССР наделил органы чрезвычайными внесудебными полномочиями вплоть до расстрела по делам о диверсиях, поджогах, взрывах, порчи машин, совершенных «как со злым умыслом, так и без него». Все это создавало основу для нарушений законности, что имело тягчайшие последствия как для общества, так и для самих органов государственной безопасности.

С установлением советской власти на территории Забайкалья и Дальнего Востока встала проблема дальнейшего решения вопроса о национальной государственности для бурят-монголов (в октябре 1921 г. были созданы Бурят-Монгольские автономные области ДВР и РСФСР). 30 мая 1923 г. ВЦИК СССР принял решение о создании Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики на основе объединения автономных областей со столицей в городе Верхнеудинске. Вся полнота власти в республи-

ке до созыва I съезда Советов передавалась Бурятскому революционному комитету (Бурревкому), который приступил к организации центральных органов власти. В состав Бурревкома вошли М. Н. Ербанов (председатель), М. И. Амагаев (заместитель), Б. Б. Барадин, М. Д. Берман, В. И. Трубачеев. По постановлению Дальбюро ЦК РКП(б) от 31 августа 1923 г. было создано Бурят-Монгольское областное бюро РКП(б) в составе М. И. Амагаева, М. Д. Бермана, М. Н. Ербанова, И. В. Малозовского, В. И. Трубачеева, А. Н. Широкова. Позднее в состав бюро была включена М. М. Сахьянова. Однако еще до образования республики начинается процесс формирования новых структур спецслужб, руководителем которых несколько позднее стал М. Д. Берман, бывший до августа 1923 г. председателем Иркутского губернского ЧК. Будучи Уполномоченным ГПУ в БМАССР, он до 1924 г. одновременно был наркомом внутренних дел республики. После создания ОГПУ М. Д. Берман исполнял обязанности начальника Бурят-Монгольского губотдела ОГПУ, а с 24 марта 1924 г. он стал начальником Бурят-Монгольского областного отдела ОГПУ [7, с. 124].

3 февраля 1923 г. заместитель Председателя ГПУ И. С. Уншлихт подписал приказ № 40, который гласил: «...С образованием на Дальнем Востоке Советской власти, существовавшие на территории таковой органы Главного Управления Государственной Политической Охраны считать расформированными, взамен которых согласно указанного в п. 1 сего приказа административного деления, организовать губернские, уездные, пограничные и особые органы ГПУ и Полномочное Представительство с правами, предусмотренными приказом ГПУ от 4 августа 1922 г. за № 162.

При организации в Дальневосточной области органов ГПУ руководствоваться следующим распределением: наименование организуемых органов – Прибайкальский Губотдел, категория штатов – 4, приказ ГПУ от 22 г. № 133 п. 4, место расположения – Верхнеудинск» [7, с. 125].

18 октября 1923 г. заместитель Председателя ГПУ Г. Г. Ягода подписал приказ № 425 ГПУ СССР: «На основании п. 6 Положения о государственном устройстве Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Советской Республики приказываю:

1. ПП ГПУ ДВО организовать в г. Верхнеудинске областной отдел ГПУ Бурят-Монгольской республики по штату 3-й категории, 2. Прибайкальский губотдел ГПУ расформировать, все дела и имущество передать вновь организуемому областному отделу ГПУ» 7, с. 126].

Спецслужбы и в этот период оставались важным органом защиты завоеваний революции. Поэтому не случайно классовые враги Советского государства распространяли всяческие небылицы об их деятельности. В этой связи в 1923 г. М. Д. Берман писал: «И если наши враги кричат на всех перекрестках, что наша Чека – застенок, где пытаются и мучают, подобно царским и колчаковским охранкам, они жестоко ошибаются: наша Чека не превратилась и не могла превратиться в застенок только потому, что органы пролетарской диктатуры, в которых большинство работников послано Российской Коммунистической партией, партией рабочего класса, партией, которая создала Че-

ка, руководит ею и отвечает за ее деятельность» [3, с. 29]. Поэтому не случайно, что предметом особой заботы партийных организаций стал подбор кадров сотрудников ГПУ. Для зачисления в ГПУ необходимо было представить заявление, документы с последнего места работы, справку о состоянии здоровья, рекомендации двух членов партии, проработавших не менее года в органах ВЧК, и заполнить подробную анкету. Все эти меры должны были закрыть доступ в органы госбезопасности случайным и контрреволюционным элементам.

В первой половине 20-х гг. советское руководство, исходя из анализа международной и внутривнутриполитической обстановки, все больше уделяло внимания деятельности органов госбезопасности в ее решительной борьбе с подрывными акциями разведок империалистических стран и белоэмигрантских центров, а также пресечению антисоветских действий внутренней контрреволюции. Свою работу чекистские органы, будучи одним из звеньев советского государственного аппарата, строили на основе декретов и законов Советской власти, которые устанавливали их компетенцию, права и задачи в соответствии с внутренней и международной обстановкой. В этот период формировались прочные основы оперативного искусства органов государственной безопасности, получил дальнейшее развитие такой активный метод борьбы с противником, как агентурное проникновение. Эта работа особенно активизировалась с укреплением тесных контактов Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ во главе с М. А. Трилиссером и секретного Отдела международных связей (ОМС) Коминтерна, созданного для организации подпольной работы за границей во главе с И. А. Пятницким. С помощью ОМС чекисты вовлекали в разведывательную работу иностранных коммунистов и тех, кто им сочувствовал. Для спецслужб Бурятии главным направлением была Маньчжурия, которая стала основным центром белой эмиграции на Дальнем Востоке. В сложной и напряженной обстановке чекистские органы проделали большую работу по обеспечению безопасности Советского государства.

Маньчжурия являлась крупной китайской провинцией с территорией 1 млн 300 тыс. квадратных километров и населением 35 млн человек. Протяженность советско-маньчжурской границы составляла 3,5 тыс. километров. Это крупная сырьевая база: хлопок, шерсть, золото, уголь, железная и марганцевая руды, вольфрам. В случае начала военных действий и успеха агрессор мог бы в короткий срок перерезать важные советские коммуникации – Амурскую и Уссурийскую железные дороги – и отсечь советское Приморье.

Белая эмиграция начинает складываться в Харбине с 1920 г. после окончания Гражданской войны. В начале 20-х гг. русская колония составляла более 140 тыс. человек [13, с. 267]. При этом на КВЖД превалировало русское влияние, и потому противники советской власти, оказавшись за границей, не чувствовали себя в полной эмиграции. Такое положение дел существовало до прихода на КВЖД в 1924 г. советской администрации, которая все рычаги управления взяла в свои руки. Но и в этот период на территории Маньчжурии действовали такие массовые эмигрантские организации, как «Народно-монархический союз» (генерал Косьмин), «Дальневосточный казачий союз» (генерал Бакшеев), «Российский общевойсковой союз» (Белоцерковский,

Гриневицкий, Европейцев), «Всероссийская фашистская партия» (генеральный секретарь В. К. Родзаевский), «Союз казачьих войск» (атаман Г. М. Семенов), «Союз торгово-промышленников» [9, с. 47].

Кроме того, в Маньчжурии действовали массовые и разветвленные сепаратистские группировки областников, мусульман (татар), сионистов, украинских националистов, а также церковная контрреволюция. Все эти организации патронировала Японская военная миссия (ЯВМ), представлявшая интересы Генерального штаба императорской армии Японии. Все эмигрантские организации занимались подготовкой и засылкой агентов и диверсантов на территорию Забайкалья и Дальнего Востока. Одновременно с этим «Союз торгово-промышленников» создает русские эмигрантские земельные артели в приграничных районах, ставя своей целью в случае начала военных действий преобразовать эти артели в партизанские отряды [1, ф. 2, оп. 1, д. 4, л. 65].

Активность Японии нашла отражение в секретном письме премьер-министра и министра иностранных дел Японии Танака вступившему на престол императору Страны восходящего солнца Хирохито, получившем название «Меморандума Танаки». Документ представлял программу – максимум японской внешней экспансии. Речь шла о планах завоевания Маньчжурии и Монголии, затем Китая и всей Азии, включая территорию Сибири и советского Дальнего Востока, и, наконец, о необходимости сокрушить США.

Советские разведчики практически ежедневно передавали ценнейшую информацию о деятельности белоэмигрантских групп и организаций. Вся информация первоначально поступала в Иркутск в особый отдел ИНО управления ОГПУ Восточно-Сибирского края. Копии донесений переправлялись в Красноярск, Новосибирск, Верхнеудинск, Читу. После анализа полученной информации все сведения направлялись в Москву в ИНО ОГПУ. В конце 20-х гг. советский разведчик Иван Чичаев, работавший под прикрытием генерального консула в Сеуле, добыл и направил в Москву копию секретного документа. Через некоторое время Василий Пудин, работавший в резидентуре Харбина, также добыл копию этого документа [8, с. 185].

Одновременно с ЯВМ подрывную работу против СССР вели японский генеральный штаб, морской главный штаб, министерство иностранных дел, жандармские и полицейские органы, различные коммерческие предприятия. На службу Японии были поставлены разведывательные и полицейские органы корейского генерал-губернаторства. При этом ранее разобщенные действия разведывательных и контрразведывательных органов Японии по организации подрывных акций против СССР строго координировались ЯВМ. На первый план выдвигалась добыча сведений о военно-экономическом потенциале Советского государства. Основной упор японская разведка делала на создание массовой агентурной сети на территории СССР и в первую очередь в Забайкалье и на Дальнем Востоке как вероятном театре военных действий. Так, генеральный штаб японской армии составил план деятельности разведывательных органов с охватом всей границы Советского государства, куда включались Черноморское побережье и районы СССР, граничащие с Турцией, Персией и Афганистаном [7, с. 186–187]. Предусматривалось также развертывание дополнительных военных резидентур в Гельсингфорсе, Таллине, Ковно, Бухаресте, Тегеране, Кабуле, Варшаве. Значительно расширился ап-

парат японского посольства, военного и морского атташатов в Москве. В центры японской разведки были превращены аппараты японских консульств в Новосибирске и Владивостоке. Для сбора информации активно использовались корреспонденты аккредитованных в СССР японских газет, антисоветски настроенные лица японской, китайской и корейской национальности, проживавшие на территории Советского государства. В 1928 г. японский разведчик Каида (впоследствии генерал-лейтенант и начальник русского отдела японского генерального штаба) представил план развертывания широкомасштабной подрывной работы против СССР. Он включал разжигание вражды между народами Советского государства, разложение Красной Армии, дезорганизацию работы военных предприятий, разрушение Транссибирской магистрали, подстрекательство соседних государств к проведению враждебных акций против СССР [7, с. 187].

Несомненной заслугой областного отдела ОГПУ БМАССР стала оперативная оценка внутриполитического положения в Монголии после кончины 20 мая 1924 г. Богдо-Гэгэна и начавшегося после этого противостояния в руководстве страны [1, ф. 5, оп. 1, д. 1]. Верные своему интернациональному долгу, сотрудники Бурят-Монгольского областного отдела ОГПУ оказывали всемерную помощь органам Государственной внутренней охраны МНР, добывая и передавая монгольским коллегам ценные сведения о планах контрреволюционных элементов. Большой вклад в эту работу внесли Б. Д. Цыденов, В. А. Шаракшинов, З. Б. Бальжинмаев, П. Е. Щетинкин. К этому же периоду относится активная разработка монархической эмиграции во главе с полковником Жандавойном, который планировал осуществление ряда антисоветских мероприятий в Забайкалье через территорию Монголию. Целью этих мероприятий были захват Урги, выдвигание заслонов на границе с Забайкальем в направлениях Акша–Чита, Кяхта–Верхнеудинск, оз. Косогол–Иркутск, освобождение значительных территорий казачьих земель Забайкалья и восстановление на них казачества на основах, близких к дореволюционному времени.

В этот период у ОГПУ было немало громких дел, которые позволяют оценивать органы безопасности страны как одну из лучших спецслужб в мире. При этом борьба с подрывной деятельностью иностранных разведок и белоэмигрантских центров не являлась единственной задачей органов государственной безопасности. ОГПУ вписало много ярких страниц в историю борьбы с бандитизмом в СССР и налаживания спокойной жизни граждан государства.

Тревожное положение на территории Бурятии начало складываться еще в период ДВР. Каждые две недели в Иркутский губернский отдел ГПУ и Госполитохрану ДВР поступала сводка об общем политическом и экономическом состоянии региона. С сентября 1923 г. в протоколах заседания Сиббюро ЦК РКП(б) достаточно часто рассматривается вопрос о средствах борьбы с бандитизмом в Бурят-Монголии. Особенно тревожное положение сложилось в Эхирит-Булагатском, Боханском, Хоринском, Аларском и Агинском аймаках. Для борьбы с бандитизмом использовались совместные усилия чекистов и милиции. 24 июня 1924 г. на закрытом заседании Президиума Бурят-Монгольского областного комитета РКП(б) было заслушано сообщение М. Д. Бермана «О бандитизме в западных аймаках». В качестве мер по борьбе

с бандитизмом в Эхирит-Булагатском аймаке была создана тройка в составе председателя аймисполкома, уполномоченного ГПУ и секретаря айкома партии, на которую возлагалась организация борьбы с бандитизмом. При этом ГПУ усиливало агентурную работу, а айком партии проводил мобилизацию коммунистов и комсомольцев [6, с. 25].

Окончание статьи в следующем номере журнала.

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Республике Бурятия (УФСБ РФ по РБ).

2. Батуев Б. Б. Мария Михайловна Сахьянова. Страницы политической биографии / Б. Б. Батуев. – Улан-Удэ, 1992.

3. Берман М. Д. Борьба с белыми на внутреннем фронте // Коммунист. – Иркутск, 1923. – № 3.

4. Герасимова К. М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства / К. М. Герасимова. – Улан-Удэ, 1964.

5. Данзанова А. А. Обновленческое движение в Бурятии в 20-е гг. // Проблемы истории и культурно-национального строительства в Республике Бурятия. – Улан-Удэ, 1998.

6. Доржиев Д. Л. Крестьянские восстания и мятежи в Бурятии в 20–30 годы (хроника языком документа) / Д. Л. Доржиев. – Улан-Удэ, 1993.

7. История советских органов государственной безопасности. – М., 1977.

8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1983. – Т. 2. 1917–1922.

9. Курас Л. В. Харбинская белая эмиграция в освещении спецслужб СССР (конец 20-х – начало 30-х гг.) // Из истории спецслужб Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.

10. Мутьнова Е. С. НКВД и Православная церковь в Бурятии (1920–30-е годы) // Из истории спецслужб Бурятии. – Улан-Удэ, 1997.

11. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ).

12. Очерки истории Бурятской организации КПСС. – Улан-Удэ, 1970.

13. Павловская М. А. Исследование Маньчжурии и стран Восточной Азии

1. Archive of the Government of Federal Security Service of Russia in the Buryat Republic.

2. Batuyev B. B. Maria Mikhailovna Sakhianova. Fragments of political biography / B. B. Batuyev. – Ulan-Ude, 1992.

3. Berman M. D. Fight against the White Guards in the internal front // Communist (Irkutsk). – 1923. – N 3.

4. Gerasimova K. M. Renovationist movement of the Buryat Lamaistic ministry. – Ulan-Ude, 1964.

5. Danzanova A. A. Renovationist movement in Buryatia in 20s // Issues of history and cultural and national formation in the Buryat Republic. – Ulan-Ude, 1998.

6. Dorzhiyev D. L. Peasants revolts and mutinies in Buryatia in 20–30s (chronicles). – Ulan-Ude, 1993.

7. History of the Soviet Government of National Security Service. – M., 1977.

8. Communist Party in resolutions of Congresses, conferences, and plenums of the Central Committee. – Vol. 2

9. Kuras L. V. White emigration to Harbin in coverage of the Soviet secret services (at the end of 20s– beginning of 30s) // From the history of the Buryat secret services. – Ulan-Ude, 1997.

10. Mitypova E. S. Public commissariat and the Orthodox Church in Buryatia (1920–30s) // From the history of the Buryat secret services. – Ulan-Ude, 1997.

11. National Archive of the Republic of Buryatia. (NARB).

12. Essays on history of the Communist Party organization in Buryatia. – Ulan-Ude, 1970.

13. Pavlovskaya M. A. Researches of Manchuria and the Eastern Asia countries by the economic bureau (1921–1934) // Russia and the East: consideration from Siberia : mate-

экономическим бюро КВЖД (1921–1934 гг.) // Россия и Восток: взгляд из Сибири : материалы и тезисы докладов к XI Международ. науч.-практ. конф. – Иркутск, 1998. – Т. 1.

14. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Архивы Кремля / под ред. Н. Н. Покровского, С. П. Петрова. – Новосибирск ; М., 1997.

15. Российская еврейская энциклопедия. Т. 1. Биографии А–К. – М., 1994.

16. *Шагдуров Ю. П.* Государство и религиозные концессии Бурятии в 20–30-х гг. // Исследования по истории Сибири, Центральной и Восточной Азии. – Улан-Удэ, 1998.

rials and report theses of the XIth international scientific practical conference. – Irkutsk, 1998. – Vol. 1.

14. Politbureau and the Church. 1922–1925. Archives of the Kremlin / ed. N. N. Pokrovskiy, S. P. Petrov. – Novosibirsk ; M., 1997.

15. Russian Jewish encyclopedia. Vol. 1. Biographies A–K. – M., 1994.

16. *Shagdurov Yu. P.* The Government and religious concessions in Buryatia in 20–30s // Researches on history of Siberia, Central and Eastern Asia. – Ulan-Ude, 1998.

National Security of Buryat-Mongolian ASSR in the First Years of Soviet Rule (1923–1928). Part 1

L. V. Kuras, V. K. Tushemilov

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude

The article examines the main course of activity of regional USPA in the first decade of the Soviet's power.

Key words: Buryat-Mongolian ASSR, USPA, emigration, Buddhist priests, banditry.

Курас Леонид Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголо-ведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, тел. 8(3012)433042, e-mail: kuraslv@yandex.ru

Тушемилов Владимир Карлович – кандидат исторических наук, Институт монголо-ведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, тел. 8(3012)433042, e-mail: kuraslv@yandex.ru

Kuras Leonid Vladimirovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, the chief scientist of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 670047, Ulan-Ude, Sakhyanova St. 6, phone 8(3012)433042, e-mail: kuraslv@yandex.ru

Tushemilov Vladimir Karlovich – Candidate of Historical Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 670047, Ulan-Ude, Sakhyanova St. 6, phone 8(3012)433042, e-mail: kuraslv@yandex.ru